

Андрей Зимний

Иллюстрация **Сергея Дергачева**

К доброму сердцу кривая дорога

В Ночь костров поди отличи духов от людей. Смотришь, кружится румяная девица в алом сарафане и кокошнике, украшенном спелыми ягодами, а приглядишься — вовсе не девица, а дух лесной. Лина-то каждого в деревне знала, ее не проведешь. Это парни глупые пусть заглядываются, все равно к утру лес своих обратно заберет.

Хотя как это «путь»?

Лина повела плечиком, косу, переплетенную алой лентой, за спину бросила, вздохнула скучающе — тут все ее ухажеры и опомнились, принялись веселить да задабривать. То-то же!

— Ай да ленты! — Чьи-то пальцы, ледяные-ледяные, Лину за косу тронули. Мало ли у красавицы Лины было завистниц, но разве кто из них о своей зависти вслух скажет? Да и не могло быть в деревне ни одной девушки с такими руками, что холоднее снега. Неживыми. Не иначе кто лесной...

И точно, на бревнышко, где примостилась Лина со своей неразлучной подругой, Стешей, уселась девушка с белыми волосами. Глаза колко блестят, точно иней, а сама улыбается грустно да поглядывает на Линину косу:

— У меня таких красивых лент в жизни не было. И не будет уже.

Ледяные руки свои так и тянет. Лина только глазами хлоп-хлоп — наглая какая, а! Ленты ей подавай. Так бы она этой лесной нахалке и выговорила, да тут влезла сердобольная Стеша.

— На вот, держи. Тебе мои синие к лицу будут. — И принялась расплетать косу.

Всегда она так: кто попросит, а то и просто намекает, что нужда какая, — помогать кинется. Вытянула ленты из волос и отдала. Духу из леса отдала! Лина хотела было ее одернуть, ущипнуть украдкой — да как тут? Беловолосая уже ленты заграбастала и знай своими пальцами-ледышками оглаживает. Отберешь —

обидится, а завтра станешь чернику собирать, так и не вернешься из леса. Ну и глупость же Стешка сотворила, Лина бы свои ленты ни за что не отдала!

Только вдруг смотрит — ухажеры, которые с нее глаз всю ночь не сводили, вдруг начали на Стешку поглядывать. С распущенными пшеничными волосами та казалась то ли дивной русалкой, то ли царевной. А уж Лина-то если косу расплетет, то вообще... Даже Всемил, ее тайная зазноба, головы к ней за весь праздник не повернувший, точно позовет потанцевать, упрашивать станет!

— И мои бери! — воскликнула она и, торопливо распустив волосы, отдала красные ленты духу.

Беловолосая, рада-радехонька, заплела две косы: одну с синей лентой Стешы, а другую — с красной от Лины.

— Спасибо, девоньки. Теперь Белая Инн у вас в долгу! — Вскочила с бревнышка и звонко так выкрикнула: — Ну, кто со мной станцует?!

Хоть и хороша Белая Инн, но красота ее, точно зима — из окошка любо поглядеть, а во двор бежать не спешишь. Все парни, как один, отвели глаза, будто ничего и не слышали. Страшно с духом плясать, а вдруг с собой в лес утащит или еще чего. Белая Инн понурилась было, но вдруг к ней подошел Всемил и руки протянул: пойдём, мол, я с тобой станцую.

— Какой же он славный! — восхищенно выдохнула Стеша, когда парень повел девушку-духа в круг пляшущих.

— Подумаешь, — вздернула нос Лина, — ничего особенного.

— Ну как же?! Ведь все забоялись, а он один такой смелый и... И добрый!

— Просто выкаблучивается, и все. Я тебе больше скажу, он меня пригласить хочет. Только знает, что все равно бы с ним плясать не пошла!

Стеша как-то сразу опечалилась, только украдкой поглядывала на танцующего с духом Всемила.

— А вот я бы с ним пошла, кабы позвал. Перед тобой каждый стелется, ты ведь красавица, вот тебе все и «ничего особенного». Да и то сказать, если не Всемила, так на кого еще глядеть?

— Ой, как будто он единственный парень на всем белом свете, — отмахнулась Лина, во все глаза глядя на Всемила. Вот не сказать, что больно хорош собой, но так улыбается, так смотрит, что у каждой девчонки сердечко трепещет.

— На свете, может, и не единственный, а в нашей деревне уж точно никого лучше нет. Да что говорить...

— Стеша вдруг встrepенулась, к ним возвращался Всемила, и торопливо заговорила: — Не станешь с ним танцевать, так хоть шепни, чтоб меня пригласил!

Лина ничего не ответила. Внутри у нее все замерло, когда парень встал напротив. Она потупила глаза, делая вид, что ни слова от него сейчас не ждет.

— Пойдешь со мной? — спросил Всемила.

— Да, — ответила Лина. И в один голос с ней — Стеша.

Лина удивленно вскинула глаза и увидела, что смотрит Всемила совсем не на нее, распрекрасную-светлоглазую, а на серенькую мышку-хохотушку Стешу. Подруга встала с бревнышка, а Лина осталась на нем сидеть ни жива ни мертва, сама точно дух лесной.

Всемила со Стешей отошли совсем недалеко, будто назло покрасоваться решили. Он склонился, что-то подружке зашептал, а та давай заливаться. Счастливая, будто не парень на танец позвал, а князь какой — замуж.

Лина долго смотреть не стала. Проклиная то ли себя, то ли Стешу, побрела прочь с праздника. Никто ее не окликнул, ни один из тех, кто отирался у ее дома просто, чтобы в окно посмотреть, как она сидит за пряжей, даже не обернулся вслед. Она шла, как призрак, сторонясь отсветов из домовых окон, которые высвечивали ее красоту, ненужную и бесполезную. Лина и сама не заметила, как ноги вынесли к старой избе, окруженной рябинами.

Там жил дед, с которым деревенские не то что здороваться опасались, а даже не смотрели в его сторону, потому что дед тот был колдуном. Может, конечно, и не был, да только дом его попытались как-то раз спалить мужики, у которых кто-то уворовал курей и поросенок, вырезал сердца и оставил тушки на околице. Только не запел тогда над покосившимся домишком красный петух: сколько ни палили промасленную солому рядом со срубом, ни бревнышка не занялось.

Лина стояла под рябиновыми ветками и думала, умеет ли дед наводить порчу или делать привороты. Стало стыдно, но не за эти мысли, а за то, что ей, первой деревенской красавице, о таком приходится раздумывать. На любого посмотреть достаточно — луну с неба достанет, звезд ведром начерпает! А Всемила... Лина даже отворила калитку, но та скрипнула ржавыми

петлями оглушительно, страшно — и девушка побежала прочь.

Только вот дом-то остался позади, а шепотки из головы никуда не ушли. Может, потому, что там и родились...

Все утро Лина просидела, глядя на свое отражение в бочке с дождевой водой. Хороша? Ох хороша! И чего этому Всемилу еще надо? Да он просто испугался, что откажет, вот и все. Позлить решил, потому и пригласил плясать Стешку. Мышь серая, фу! Вот получит Лина Всемила, ей вообще никакие подружки не нужны будут. Она б и сейчас Стешку терпеть не стала, но на посиделках с кем-то надо шушукаться, а эта еще шутит так смешно, и помогает...

Только Лина чуть усовестилась, как во двор вбежала Стеша и принялась тараторить:

— Он ведь вчера со мной всю ночь проплясал, а потом и говорит, мол, зайду за тобой завтра вечером. Погулять со мной хочет, представляешь! Всемила-то! Я ведь вчера с тобой размечталась, но думать не думала, что все сбывается может! Ой, и страшно, и хочется.

Смотрела Лина на Стешу и глазам своим не верила. Маленькая, некрасивая, рот до ушей растянула и радуется тому, что Всемила этот рот целовать станет. Да он потом полдня платком вытираться будет, да он же назло просто...

Только перестало вдруг Лине верить, что просто «назло», в ответ на подружкины восторги у нее вырвалось одно горькое слово, посоленное слезами: «Предательница!»

Стеша до того оторопела, что еще несколько мгновений продолжала глупо улыбаться, а потом смекнула, что к чему — губами-ниточками по-рыбьи зашлепала. Ни слова не произнесла, только видно, что обожгло ее Лино слово. До пылающих щек и влаги, заблестевшей на глазах, обожгло. Наконец она пробормотала:

— Да что же ты? Что я сделала?

— Всемила у меня увела!

— Увела? — Стеша глянула на Лину так, будто та дурманных ягод в лесу наелась. — Да тебе ведь еще вчера он и даром был не нужен. Сама говорила...

— Не притворяйся, что не видела, как я на него глядела! Не ходи с ним вечером. Не ходи!

— Да если б ты хоть раз, хоть одно словечко... Я б никогда! Даже не посмотрела бы. А ты...

— А я вот теперь говорю!

Лина заплакала, как маленькой плакала всегда на ярмарке, чтобы тятя купил бусики или петушка на палочке. И всегда ведь получала то, что хотела, лишь бы не куксилась, лишь бы улыбалась маленьким синеоком солнышком. Только бусики Стеша, может, и отдала бы, а Всемила — нет. Больше она ртом не хлопала, а глаза ее заблестели уже не слезами. Она вскинула подбородок:

— А знаешь что? Я пойду, еще как пойду! Не думала я, что ты такая... Все деревенские говорили, что змеюка, мол, что только свою красоту видишь. А я не верила, выгораживала перед ними. Значит, правда все? Мое счастье тебе не в радость?

— Да не твое оно, мышь противная! Мой будет Всемир, мой!

«Твой, твой Всемир», — шептал кто-то у Лины в голове, пока та смотрела с порога, как Стеша убегает, размазывая по щекам слезы.

Настал вечер, парни и девушки пошли погулять, песни попеть. Лина надела сарафан покрасивее, пощипала щеки, чтоб румянее были, и отправилась красоваться перед Всемилом. Только он ей ни полслова. Сидел со Стешей и глаз с нее не сводил. А Лине казалось, что подруга вот прямо сейчас ее краюху хлеба подъедает и тарелку из-под щей вылизывает, а у самой Лины и маковой росинки во рту не было. И такая ее злость взяла, что всю ночь не отпустила. Ворочалась она на перине, будто кто-то туда уголек подкинул.

А наутро, как задала воды корове, побежала к дому колдуна.

Отворила скрипучую калитку и пошла по дорожке мимо стройных рябинок. Поговаривали, будто давным-давно у колдуна была любимая сестрица, да украли у нее сердце и обратили девушку в рябину. С тех пор, мол, колдун по всему свету сердце сестрино ищет. Красивая история, и рябины красивые, да только не больно верится. Лина зашагала увереннее и только подумала, что не так уж тут и страшно при свете дня, как на нее кинулась собачья голова и залаяла, брызгая слюнями. Лина вскрикнула, закрылась руками, и лай стих, только в ушах от него звон остался. Открыла глаза, глядь — а нет никакой головы, стоит в рябиновом саду камень, а на нем глаза и пасть намалеваны. «Хороший колдун, дельный, — подумала Лина, — раз так заморочить может!»

Подошла к дому, постучалась, однако никто не отворил и не распахнул ставни. Она погромче бухнула кулаком в дверь. Вроде бурчание какое-то послышалось — сойдет за дозволение войти. Лина взялась за ручку двери, и как-то ей нехорошо стало, будто скоба эта незатейливая в самую душу влезла и ее, Лину, заминает. Ладонь точно к смоле прилипла, но стоило дверь отворить и руку отдернуть, как гадкое ощущение прошло, забылось.

Лина поднялась по ступенькам в темные сени. Вроде и таиться ей нечего было, не воровать, чай, пришла, стуком предупредила, но здесь хотелось ходить на цыпочках. Тихо-тихо. Чтоб никто не слышал, не догадался, что в доме гость. Так она и пошла, крадучись, туда, где, по ее разумению, должен быть вход в светлицу. Раз шажок, другой. А потом под ступней провалилась половица. Лина вскрикнула, руками взмахнула. В голень будто деревянные зубы впились. Она дернула ногу, качнулась. Не упала. Бросилась бежать, а позади так и клацает, так и бухает. Точно

десятки голодных ртов-половиц силятся укусить. Лина врезалась в дверь, да так и влетела в светлицу колдуна. Растрепанная, запыхавшаяся.

Может, у иных ведьм да колдунов и сумрачно в доме, но у этого оказалось светлым-светло, хоть ставни на окнах и забраны. Лина огляделась. Лучше б уж было ни зги не видно. Лежат всюду гнилые доски да серые булыжники, а на них рожи намалеваны одна страшней другой. Под потолком висят берестяные маски: одни со зверьми диковинными, другие — точь-в-точь живые безглазые лица. Вместо печи очаг, загороженный чугуной решеткой, будто в нем не послушный человеку огонь, а лютый зверь какой. Да и то правда, пламя за прутьями не рыжее и уютное, а белое, неистовое. Бьется о решетку, ревет: «Сожру, сожру, сожру!» Лина головой мотнула. Показалось. Разве бывает так, чтоб пламя...

— Чего тебе?

Лина так и вздрогнула. Загляделась на страшные чудеса, а про хозяина и позабыла. Старик поднялся из дальнего угла, шагнул к лютому очагу и скормил огню куриную лапу. В первый раз Лина колдуна так близко видела. Вот вроде старый, волосы уже точно медь, присыпанная пеплом, а не дряхлый. И глаза... Не то что у Линоного деда — выцветшие, а ярко-голубые и смотрят по-птичьи пристально.

— Прости, дедушка, коли побеспокоила или от дел отвлекла. Я помощи пришла просить.

— Не дедушка я тебе, — сказал так сурово, будто на том и разговор кончен. Но то ли любопытство свое взяло, то ли еще что, а помолчал и спросил: — В чем это тебе моя помощь понадобилась?

— Любимого от подруги отворожить! — выпалила Лина.

Колдун глянул на нее так, будто вот-вот бросится — хищно, страшно. Вот бы и меж ними была такая чугунная решетка, как на очаге! Лина рот прикрыла, да только слова, что ляпнула, обратно не затолкаешь.

— Ты что это, меня за бабу-знахарку принимаешь? Не в тот ты дом, девка, зашла.

Зря, ох зря она к колдуну сунулась. Все его сторонились, и ей бы надо сторониться, люди с пустого места дурного наговаривать не станут. Живой бы уйти...

Пробормотала что-то вроде прощания и попяtilась, задела макушкой висящую берестяную маску с красным камнем во лбу. Маска вытаращила бельма на Лину и нашептывает: «Забери меня, сестрица, унеси-спаси, унеси-спаси». Лина головой тряхнула — не до тебя, мол, — голос и умолк. Тут старик заговорил:

— Обожди. От подруги, говоришь? Стало быть, сильно ты на нее в обиде, раз ко мне решилась прийти. Только если я помогать и возьмусь, то по-своему, так и знай. Коли сговоримся — не будет тебе больше подруга помехой.

Лина хотела было спросить, что он сделает, но духу не хватило. Она только кивнула. Старик вроде бы даже улыбнулся — поди пойми по его суровому лицу. Все

равно, даже если улыбка, то недобрая, такую лучше и не видеть, если с ним на сговор решилась.

— Приводи свою подружку завтра в лес, да только не рано утром, а ближе к ночи. Увидишь красный мох — по нему ступай, в условленное место приведет. Поняла?

— Ночью в лес нельзя, — пролепетала Лина.

— До ночи успеешь назад вернуться. А боишься, так чего ко мне пришла? Соглашайся или иди уже прочь.

— Я согласна! — поспешно выпалила Лина. И уж встала, уж побежала к двери, да только на пороге вспомнила про самый главный вопрос. — А что в уплату потребуешь?

— Уплата не твоя забота. Твоя подружка со мной и расплатится.

Лина повторила, теперь уже совсем уверенно:

— Согласна.

Лет пять назад, когда за Линой только начали ухаживать мальчишки, один подарил самодельный туесок. Кривенький такой туесок, крышка плохо закрывалась: то с одного края поднимется, то с другого. Лина и сама не помнила, почему его оставила. Но вот ведь пригодился.

Дождавшись, когда солнце перевалит за зенит, она побежала к Стеше.

— Давай помиримся, подруженька, — смиренно протянула она и вручила подружке туесок. — Вот, сама для тебя сделала. Давай по ягоды ходим?

Стеша не сразу приняла подарок, хоть Лина и видела, что той очень уж хочется взять — простить подружку.

— И не будешь сердиться, что любовь у нас с Всемилом?

Лина крепче сжала туесок, а внутри ее аж перевернуло — любовь у них уже! Вот ведь гадина. Если и раньше совесть не мучила за то, что она Стешу колдовством от парня отваживает, так теперь и вовсе себе сказала, что «подруженька» по заслугам получит.

— Не буду сердиться.

— Значит, я уже не такая противная мышь? — лукаво улыбнулась Стеша. Все, видать, простила-забыла. — Хорошо, что ты пришла. Я ведь всю ночь не спала, тяжело с тобой в ссоре быть. Только не поздно ли в лес идти? Может, к пруду ходим, а уж по ягоды завтра с утра?

— Ой, завтра я мамке помочь обещала, а сегодня все дела переделала. Не бойся, успеем до темноты.

Стеша вроде и не больно охотно, но согласилась. Сбегала в избу за вторым туеском, новеньким да ладным, для Лины, и кивнула: мол, готова идти.

Днем волшебный лес очень даже обычный, ни зверя диковинного, ни миража какого. Но в этот раз только девушки вошли под сень деревьев, как под ноги Лине будто кто крови накапал — колдовской красный мох был тут как тут. Она сначала забоялась, что Стеша заметит, заволнуется, но стоило на мох наступить, как тот исче-

зал. Только подруга засядет чернику собирать, как Лина уже жалуется, что место неагудное, что одни пустые веточки перед ней, и ведет Стешу по красным меткам.

— Этак мы ничего не наберем, — пожаловалась та. — Обожди, вон смотри там, как кустиков много!

— Ладно, — согласилась Лина, опасаясь, что подружка иначе заартачится.

Да и до ночи далеко еще, а кто знает, где это место? Может, до сумерек его искать, а может, и за ближайшей сосной. Так что пусть чернику щиплет, а время пусть идет.

Стеша побежала вперед и вдруг остановилась. Обернулась к Лине и, улыбаясь до ушей, рукой ей замахала:

— Иди, иди скорей!

Лина подошла, глянула, а там под кустиком спелой красной княженики тряпица лежит. Она нахмурилась было, что ее Стеша из-за ерунды какой кликнула, а потом вспомнила, как они с подругой давешним летом над ее братишкой малым подшутили. Насочиняли, будто нужно под кустик княженики положить чистое полотенце, чтобы дух убитой разбойниками княжны кровь с лица утер, а в благодарность княжна превратит собранные ягоды в рубины. Выдумали они, конечно, все. Ну как — все... Вправду говаривают, будто некогда ехала через лес княжна в богатом кокошнике, украшенном рубинами, да напали на нее разбойники и убили. Кокошник с ее головы наземь упал — рассыпались рубины и обратились ягодами княженики. Ставшая лесным духом княжна принялась ягоды собирать да обратно в кокошник укладывать, но одну не нашла. Теперь так и бродит по лесу в кокошнике с ягодами вместо рубинов и одним пустым гнездышком, ищет последний камушек, чтобы вновь княженика самоцветами обратилась, а княжна упокоилась с миром. Только разве ж будет кто в лесу рубинами разбрасываться? Все одно, братишка Стешкин во враки поверил и принялся княженику собирать. Притащил матушке полное лукошко, только ни в какие рубины ягоды, конечно, не превратились.

— Весело было, — заулыбалась Лина. — Помнишь, он от злости на тебя даже любимое варенье есть отказался.

— Глупый, мне же больше досталось. — Стеша засмеялась, сначала негромко, а потом и вовсе залилась, а за ней — и Лина.

Подумала, как все же хорошо, когда есть подруга, но еще громче подумала Лина про красоту своего смеха. Чистый, приятный, точно холодная вода бурлит в ручье. Только мысль оборвалась вместе со смехом. Из-под княженичных кустиков выскочил призрачный зверек. Длинноухий, точно заяц, только шерсти на нем нет, и скачет на двух ногах. Зверек подобрал с земли серебристую ниточку, потянул за нее — а нитка из Линоного рта торчит. Лина закрыла рот рукой, только звереныш, знай себе, тянет, а нитка скользит к нему и скользит. Намотал он ее целиком на лапы и ускакал. А Лина чувствует — не хватает чего-то в груди. Поохала,

покашляла — все хорошо вроде, сердце стучит, воздух входит и выходит.

— Поворачиваем к деревне, — тихонько сказала Стеша, озираясь по сторонам.

И Лина, может, согласилась бы, вот только поняла, душой почувствовала, что за нитку из нее вытянули.

— Смех мой украл! — воскликнула она и припустила за двуногим зайцем, Стешка за ней следом рванула. Долго и бежать не пришлось, Лина заприметила вдалеке беленькую тушку. — Вон он!

Воришка точно услышал, побежал так быстро, будто не две у него ноги, а двадцать две.

— Туда свернул! — закричала Стеша, показывая вправо.

— Нет, туда, — охрипшим голосом сказала Лина и потащила ее влево. Туда, где не каплями, а целым озером разлился по кочкам и древесным корням красный мох. Страшно было идти, а не идти — еще страшнее. Что колдун удумает, если она их уговор нарушит? Лучше уж привести Стешку поскорее да домой со всех ног! — Идем, идем, — заторопила подружку.

За рядками сосен открылась поляна. Девушки шагнули на нежную травку — будто из соснового бора в другой лес попали. Лина даже позабыла на миг, что сейчас ей придется Стешу одну с колдуном бросить. Хорошо на этой поляне оказалось, дивно хорошо. Свет такой золотистый, теплый, трава мягко волновалась, а посреди поляны стояла красавица-рябина. Даже в саду у колдуна Лина таких стройных да раскидистых не видела. Весь страх тут же и отступил. Разве может возле такого чуда что плохое свершиться? Старик, конечно, обещал Всемила от Стешки избавить, но ведь не говорил, что непременно дурное сделает. Да где же он сам-то? Может, и вовсе не придет?

Однако недолго Лине пришлось гадать. Вышел из-за рябинового ствола кто-то. Она бы подумала, что не человек это вовсе — тело просторным балахоном скрыто, а на лице берестяная маска с мордой полузвериной, полуптичьей. Лишь волосы — медь с пеплом — и выдали колдуна. Только он вышел к девушкам — под ветром качнулись макушки сосен и показали, как солнце прощается с небом последними алыми отсветами. Поняла Лина, что старик подлый обманул. Не успеть домой до ночи, загубит не только Стешу, но и Лину в придачу. В последней надежде воскликнула:

— Передумала я! Нет больше меж нами никакого договора.

Стеша побелела, туесок из рук выронила, и вся собранная черника просыпалась ей под ноги.

— Так ты меня...

Да куда тут объясняться. Хоть и скрыто у старика лицо, но Лина будто сквозь маску видела его льдистые глаза и рот, кривящийся усмешкой. Не отпустит.

— Бежим! — Дернула Стешку за рукав рубахи.

Только и шагу сделать не успели. Колдун выхватил из складок балахона бутылку и плеснул в девушек. Брызги разлетелись цветными осколками, ужалили руки,

лицо. Точно сотни льдинок-иголочек впились в кожу. И не шевельнуться. Старик выставил вперед руки, за двигал пальцами, как будто манит, зовет. А тело Лины откликается. Помимо воли, само к колдуну шагает. И Стеша рядом бредет. Слезы на глазах, сердце трепещет — будто хочет от хозяйки ускакать, спастись. А колдун уж совсем рядом. Еще шаг, другой — и...

Вдруг рябина над ним склонилась, ветви сплела — точно объятие. Так крепко схватила, что старик охнул и бутылку выронил. Лина сразу ощутила, что руки-ноги снова ее стали. Старик из опутавших его ветвей рванулся, да куда там. Бежать надо, бежать, пока новое колдовство не удумал! Стеша тоже поняла, озирается — куда податься?

— Туда! Скорей!

Подруги и бросились куда глаза глядели: по извилистой звериной тропе, мимо расколотой молнией сосны, по топким кочкам. И уж боялись не ночной темени, а того, что позади топот ног или голос, выкрикивающий заклятья, услышат. Может, духи и страшные, может, и разгневаются на ночных незваных гостей, но неизвестное зло пугает меньше, чем зло знакомое. Лучше дюжину лесных духов встретить, чем еще раз — колдуна.

Да только вот ночь как схватила сосны в охапку, как прыгнули к Лине травы да ветки, будто хотели ощупью узнать, не человек ли к ним попал, так жуть всю кровь ей и выстудила. С колдуном хоть говорить можно, пощады вымолить. Какой бы дурной ни был — все человек. А тут будто сам воздух живой, будто глаза у любого сучка есть. Даже расплывшееся по лесу туманное свечение было страшнее самой непроглядной темноты. Лина сама не заметила, как они со Стешей за руки взялись и побрели, касаясь друг дружки плечами — вдвоем хоть немного, да легче. Хорошо, что не кто-нибудь, а Стеша рядом. Она не бросит.

— Вкусненькие какие, — скрипуче протянула большая поросшая мхом кочка. Глаз единственный, будто перевернутый, открывает и зыркает. — Люблю, когда ужин сам приходит.

Испугаться бы, но такой мелочи человека не заглотить. Лина дернула Стешу за руку, чтоб дальше бежать, как земля вдруг под ногами дрогнула. Кочка с глазом затряслась, точно мокрый пес отряхнулся, вверх потянулась. Из-под опавшей хвои шея, а за ней и плечи вылезли. Да никакая это не кочка! Подруги пятились, за торчащие из земли корни споткнулись. А те вверх рванули — пальцы узловатые! Сожрет ведь, вправду сожрет!

Лина сжалась вся, озноб пробрал. Страх такой холодный-холодный. Или не от страха зябко? Даже примерещилась искорка снежинки перед лицом. Потом еще и еще...

Воздух вдруг стал студеным, аж пар изо рта. Лина глянула, а из-за елей девушка показалась. Белая вся: и сарафан, и кожа, и волосы. Только в косах цветные ленты — алая и синяя. Лина со Стешей тут же признали

беловолосую — Белая Инн с Ночи костров! Точно, ведь ей свои ленты отдали.

— Не твой это ужин, Зоркий, — заговорила Инн, приближаясь. — Я их должница, стало быть, этой ночью никто девушек в лесу не тронет. — Она поманила Лину со Стешей, и те к ней чуть не бегом кинулись, точно детки заблудшие — к матушке. Неужели домой выведет, неужели обойдется? И правда, Инн улыбнулась. — Идемте, покажу, как в деревню вернуться. Что же вы, бедовые, ночью в лесу-то остались?

— Нас колдун завел, — спешно сказала Лина, пока Стеша по простоте душевной всю правду не выболтала. — Обманом.

— Знают его здесь. Он и лес морочит. Давно бы ему сюда ходу не было, да старик прячется под маской духа, и никто из наших его истинного лица не видел. Как-то отважился лис сбегать в деревню, в окно его дома заглянуть, а вернулся неживым, без сердца. До сих пор бродит по лесу хуже призрака, и кто его видел, уж больше не решался к колдуну соваться.

— Вот оно как... — пробормотала Стешка. — Из курей деревенских сердца вытаскивал, из зверья лесного... И из меня, выходит, вытащил бы.

Подружка на Лину не посмотрела, и хорошо, а то б Лина сквозь землю провалилась и на белый свет вылезать не стала больше, даже если б мать родная звала. И верилось ей и не верилось, что сама Стешку смогла на смерть обречь, не ради Всемила даже, ради собственной гордыни.

— Все целы останутся, — успокоила Инн. — Еще немного, и...

Следующие слова распилит на звуки режущий уши вой. Весь лес наполнил ветер, пробрался под каждую ветку и корень. Не был он холодным, но хлестал так, что на щеках оставались царапины, а иголки слетали с сосен и прежде, чем упасть на землю, превращались в пахучую зеленую пыль.

— Бегите за мной! — крикнула Инн. — Во весь дух бегите!

Она понеслась вперед, не перепрыгивая — перелетая кочки. И всякое деревце, всякий кустик, почтенно отклонялись, уступая дорогу им троим. Лина видела, как прыскает в разные стороны зверье, то обычное, то светящееся волшебное, — прячется в норки. Только один белый комочек ухватился за ее подол, вскарабкался и залез за пазуху, дрожа. Она б его, может, и скинула, если б не заметила, что на лапке звереныша намотана серебряная ниточка ее смеха. Лина подумала было, что и живыми выберутся, и смех вернуть удастся, как Белая Инн пропала. Девки встали на месте, будто с размаху в стену влетели.

— Куда она? — задыхаясь, спросила Лина.

— Туда вон, — Стеша указала на дыру в корнях старой ели.

— Это же... Это же берлога медвежья!

— Ну и пусть, — сказала Стешка. — Я Инн верю. — И полезла в берлогу.

Ну а Лине что делать? Втиснулась за Стешкой. Внутри тесно, ни зги не видно, только слышно, как подруга ползет. Долго так пробирались, будто весь лес на коленках прошли, как забрезжил впереди свет. Лина протянула руку вверх — оказывается, выпрямиться можно. Встали подружки в полный рост — и перед ними тут же дверь распахнулась. За дверью стоит Инн, Лина со Стешей обе чумазые, вся одежда рыжими еловыми иголками утыкана, а на Инн ни пылинки.

— Ну заходите, гости дорогие, — улыбнулась она.

Ушастый зверь высунул морду из-за Лилиной пазухи и прыгнул на пол. Девушки зашли следом за ним, а зверь напрямик к столу с самоваром пробежал, лапки расшитым полотенцем вытер и на стул уселся, одни уши над скатертью торчат.

— Он мой смех украл, — пожаловалась Лина, пока озиралась.

А уж поглазеть было на что. Окнам в горнице, которая вроде как под землей, неоткуда взяться, но они были, и в одном виднелось озеро, в которое лился лунный свет, а в другом — точно такое же, но стекал в него свет прямо с солнца. Лине подумалось, что вода в нем на вкус — как мед должна быть. Меж окнами стояла дверь, и вот глянешь на нее раз — синей покажется, вернется взгляд — уже вишневая, а в сторону посмотришь — и вовсе фиолетовая. Прямо посреди горницы на натертом полу стоял на четырех лапах медведь. Вместе с Инн он прошел к порогу.

— Там ведь не один колдун, — сведя белые брови, сказала ему Инн, — он вой-ветер околдовал, тот теперь как пес охотничий.

Медведь мотнул упрямо головой, встал на задние лапы, чтобы передними открыть дверь, как она сама распахнулась — и завыло, засвистело в горнице, покатились по полу чашки, захлопали оконные рамы, открылась разноцветная дверь, стукнув о косяк. Взвизгнул двуногий заяц, когда из-под него вышибло стул, и припустил за разноцветную дверь, звеня Лилиным смехом. Следом кинулся ветер, и дверь, за которой виднелась непроходимая чаща, тут же захлопнулась. А за спиной раздался грохот, засверкали молнии по всей горнице. Хотела было Лина обернуться, но такая жуть ее взяла, что с места не двинуться. Взревел медведь, да так, будто рогатиной проткнули его до самого сердца. Инн схватила девушек за руки, потащила к разноцветной двери. За ней оказалась темнота, и пахло чем-то неприятным, но очень знакомым.

— Прыгайте! Прыгайте!

Лина со Стешей вывалились куда-то в темноту. Испугаться бы, да любая темень лучше ночного леса и уж точно в ней спокойней, чем под злым птичьим взглядом колдуна. Но едва они коленями и ладонями грянулись о половицы, как услышали, будто принимают кто-то. Кто-то большой. Кто-то голодный. Грохнуло, точно этот кто-то врезался в чугунную решетку. И тут же белым полыхнуло, светло стало. Лина обмерла. Стояли они

со Стешей посреди избы колдуна, а совсем рядом — руку протяни — ярился за прутьями огонь.

— Бежим, бежим скорее! — Лина ухватила подружку за рукав. — Его это...

Только Стеша ведь никогда не затевала подлого, а потому не знала, в чьем доме они оказались. Не поняла беды, не кинулась прочь. И Лина не успела досказать. У дальней стены, где ни дверей, ни окон в помине не было, открылась чудесная дверь, а на пороге — колдун. За его спиной Лина успела заметить в тереме на полу медведя, израненного, и склонившуюся над ним Инн. Да некогда было устыдиться, что из-за нее спасители едва живыми остались, колдун уже с порога в светлицу шагнул. Теперь-то Стеша поняла, метнулась к выходу. А что проку. Знала Лина — не уйти. В сени ли выскочишь, во двор ли — колдовство старика и там настигнет.

Огонь из очага вновь кинулся на прутья. Да боится чугуна: тронет — сожмется, отпрянет. Тут Лина схватила кочергу да решетку подцепила и дернула. Думала, сил отодрать не хватит, а та не крепилась ничем, грохнулась об пол. Тут же рванулось белое пламя на волю. Вот теперь бежать! Бежать! Стешину руку стиснула и рванула прочь.

— Забери-спаси! Сестрица! — Жуткий вопль, от которого бежать хотелось вдвойне быстрее. Лина и понеслась сломя голову, но у порога все же сорвала с веревки маску с красным камнем во лбу.

Голодный, жадный огонь вгрызся в половицы, в бревна. Затрещала на пламенных зубах изба колдуна, стали маски берестяные лопаться. Лина со Стешей сени пролетели, на улицу выскочили. Дверь снаружи бревном подперли. А огонь уже на крыше пирует, хватается макушки рябин, что стоят поближе. Страшно стало — вдруг всю деревню пожрет? Кинулись за калитку: избы за белыми сполохами не видать, рябины с горящими кронами клонятся жалобно к земле. А колдун так из дому и не выбрался.

Из деревни народ стал собираться. Как же не поглазеть: простой огонь стариково жилище не взял, а теперь оно полыхает, точно стог сухого сена. Как и Лина, все сначала боялись, что пламя дальше перекинется, а потом поняли — за забор не сунется. Как есть колдовское.

Лина глядела бы и глядела на пожарище, да вдруг ощутила, как выскользнула из ее ладони Стешина рука. Нет больше страшного колдуна, что их погубить хотел, но и дружбы больше нет. Горько стало. А ведь Стеша одна ей не завидовала, одна все прощала. Хорошая она, Стеша. Прав, прав Всемир, что ее выбрал, другой такой доброй да верной не сыскать, хоть весь мир обойди.

— Ты прости меня!

— Лина бросилась за подругой, слезы хоть и не пролились, но

слова насквозь промочили. — Прости! Ничего за своей красотой не видела, не ценила. Позавидовала тебе. Стеша, Стешенька, прости. Я ведь за тебя теперь...

Стеша обернулась, поглядела так, будто и сама вот-вот расплачется:

— Прощу, зла не стану держать.

Лина потянулась к ней, с улыбкой, с радостью. Значит, хорошо все, значит, как прежде будет! Но Стеша отпрянула, головой мотнула:

— А подругой тебе больше не буду. Ты со мной так... Нет, Лина, и не говори ничего. Сказала, что зла держать не стану, и не стану. Если нужда какая будет — помогу. Но и все на том.

И ушла. Одна, в опустевшую деревню.

А весь люд до самого рассвета на пожарище глазел.

Только показалось солнышко, первыми лучами пламя огладило, как оно и присмирело. От избы колдуна ни бревнышка не осталось, только камни на пожарище целыми лежали, да и с тех слизал огонь страшные морды. От колдуна, видать, тоже лишь пепел остался. Рябинки огонь не тронул — обнял, видать, да и выпустил красавиц.

Начал народ расходиться, как поднялся вдруг ветер. Пронесся над толпой, взвыл так, что все разом ладони к ушам прижали. Ветер закружил над пожарищем, свил из пепла черные вихри и унес прочь. Куда? Никто того не ведал, да и дела не было. Лишь бы с глаз долой.

Лина побрела вместе со всеми домой. Вспомнила вдруг, что держит в руке маску с камушком красным. Красивый камушек, а уж дорогой, наверное! Если такой купцу какому отдать, позволит взамен выбрать нарядов да бус... Представилось так ярко, как всамделишное, но лишь на миг. Не ее это камушек, не ей им и распоряжаться. Может быть, на следующей Ночи костров подсядет к ней на бревнышко девица в алом сарафане, в кокошнике с красными ягодами и воскликнет: «Ай да камушек!» И Лина отдаст. Непременно, без сожалений — отдаст. Ведь Стеша бы точно отдала.

